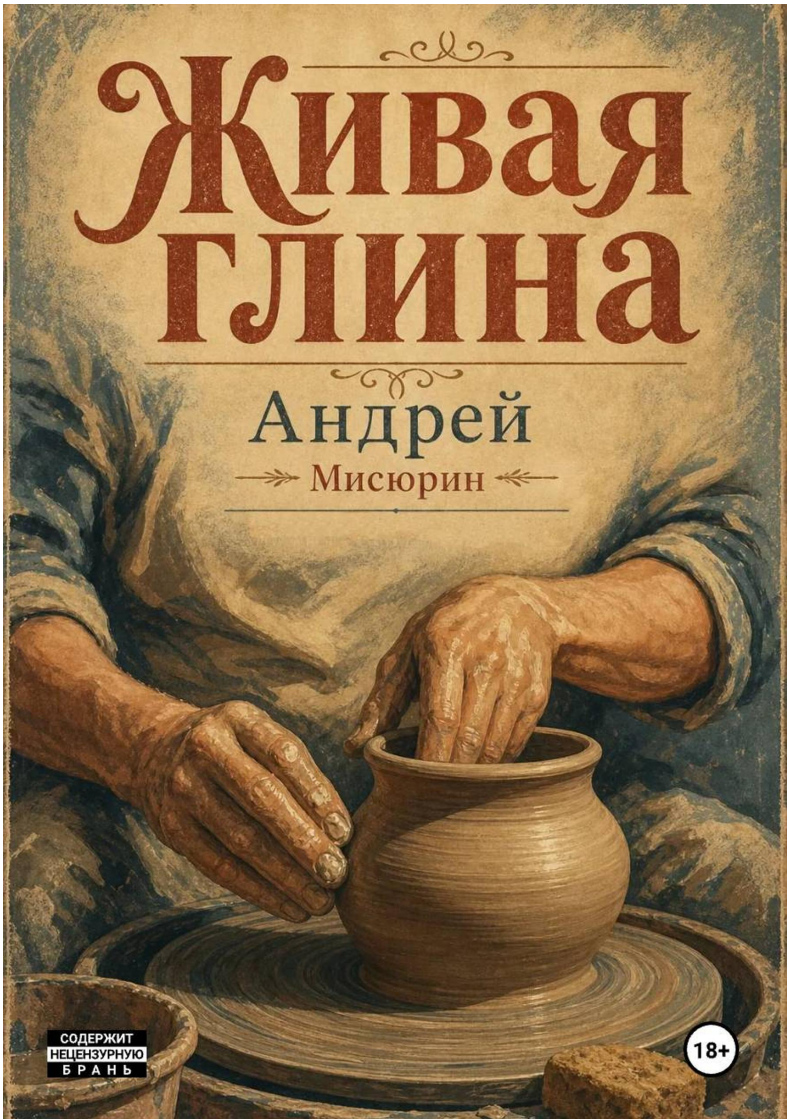
Живая глина

Андрей Мисюрин

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Андрей Мисюрин
Живая глина

https://litres.ru/74760338
SelfPub; 2026

Аннотация

Живая глина слова сохраняет память о прошлом, мгновенно запечатлевает настоящее и создаёт модель будущего. Отпечаток на сырой поверхности — это уже артефакт; податливость материала означает готовность к переменам. Так устроена сама жизнь: одна форма сменяет другую, но материал один и тот же. Гончарный круг — круговорот времени и пространства, в котором мы существуем.

Разобраться в этой круговерти, в смене красок, в смешении высокого и низкого, в череде рождения и смерти помогает ирония как метод. В этом сборнике много иронии. Его можно читать просто для развлечения — ваше право. Но будьте готовы к тому, что одна строка вызовет улыбку, а другая заставит задуматься.

Это не «высокая» поэзия с предсказуемым маршрутом из учебника. Ирония здесь не защитная маска, а структурный механизм: лёгкая формулировка соседствует с тем, что требует размышлений и тишины. Грусть соседствует с любовью, рождение — первый шаг к неизбежной смерти, а в промежутке — много радости. Возьмите эту глину себе.

Андрей Мисюрин
Живая глина

Живая глина

Когда мой нестерпимый зуд ваять
свербеть начнет уже поверх одежды,
отправлюсь в сад я глины накопать,
где и без нас уже порылись прежде.
И если кто-то вычерпал до дна
запас живой одушевленной глины,
хлебну тогда крепленого вина
и закушу кусочком пластилина!

Худи

Говорят здесь: «Дядя, дай порыться!» —
и копают прямо у подъезда,
чёрным худи скрадывая лица,
не скрывая только интереса.
Только я недобрый нынче дядя,
против расширения сознанья:
дядя с вами рядышком присядет
и расставит знаки препинанья.

Я не против вовсе молодёжи
я и сам ещё не слишком старый,
только я за то, чтобы потвёрже
головою бить по тротуару.
Не к чему все эти повреждения
корневой системы у растений:
нужно ограничивать вторженье
в плодородный слой листвы осенней.

Подобрали сломанные ветки,
отряхнули порванные брюки.
Угостил их дядя сигареткой,
а потом пожал всем крепко руки.
И лежали на асфальте худи,
говоря, что этот мир прекрасен,
и кивали молодые люди
у подъезда дяде в знак согласья.

Иосиф Прекрасный

Бедняга Прекрасный Иосиф Б.
гальванизирует многих, до кучи,
знакомый, словно про А и Б,
и этот новый нелегкий случай.
Как Толкиен заставляет масть

принять особую толкиенистов,
так Бродский многих заставил красть
когда-то свежие, а ныне скисшие мысли.
Дружище, брось расточать свой дар
и говорить на забытой фене:
чужая слава — холодный пар,
скажи иначе, и будешь гений!

Иосиф и его братья

Иосиф долго шёл пешком,
поскольку пожалел осла,
и под конец пути ослаб,
шагая рядом с ишаком.

Увидели издалека
сидящие среди овец
осла и рядом паренька,
которого послал отец.

Они цветной его халат
узнали сразу. «Посмотри,
осёл и с ним наш младший брат», —
Иуде прошептал Рувим.

«Убьём его, он в язву нам,

поклонов он от братьев ждёт, —
сказал потомок Валлы Дан, —
я сам его пырну в живот».

«Нет, мы огнём его спалим!» —
сказал сидящий у костра
сын Валлы младший Неффалим:
«заточка наша не остра».

Но вспомнил в этот миг Рувим,
как, не сдержав в себе самца,
недавно с Валлой осквернил
он ложе доброго отца.

Проснулась совесть пастуха,
как будто бы ожгло огнём:
«Нет, мы не сделаем греха,
меньшого брата не убьём.

Давайте бросим его в ров,
который вырыт за холмом,
где мы вчера пасли коров,
и там пусть сам издохнет он!»

И вот, последних двух шагов
до стана братьев не дойдя,

Иосиф брошен ими в ров
сухой, ведь не было дождя.

И вынув из мешков мацу,
присели братья закусить
и поразмыслить, как отцу
потерю брата объяснить.

Решили заколоть козла
и, кровь собрав, затем смочить
Иосифа цветной халат
и так его отцу вручить,

спросив: «Не сына ли тряпьё?
Его ли мы нашли халат?
Наверно, дикое зверьё
задрало, и погиб наш брат».

Но в это время караван
вдруг показался под горой,
и братья продали купцам
Иосифа за серебро.

В Египет был он отведён,
и там сновидца и дельца
приблизил к трону фараон,

бедняге заменив отца.

И вот настал голодный год,
и братья, чтобы хлеб купить,
отцом отправлены в поход
в Египет, что три дня пути.

И вот предстала пред лице
Иосифа его родня,
пред ним склонившись во дворце,
ермолки на земь уроня.

А брат меньшой инкогнито
большой закатывает пир
и с ними в дорогом пальто
сидит, вельможа и визир.

А братья думали: «Конец,
и много прочих разных слов,
ведь в рабство этот молодец
захватит нас он и ослов!»

Но брат меньшой открылся им,
и плакал сам, и с ним Рувим,
Иуда, Дан и Неффалим,
ведь каждый был из них раним.

Простил Иосиф им грешки
и отпустил в конце концов,
пшеницей им набив мешки,
к отцу и братьев, и ослов

Туземная девка

Когда девку туземную через седло перебросил,
она крепко держалась, оставив следы на руке.
Она долго ждала, завернув себя в раннюю осень,
собирая морошку в нехоженой тёмной тайге.

Франческа

Зимой в предгорьях,
где-нибудь в Турине,
Франческа в баре принесёт мне пива,
она черна, но всё равно красива,
кругла и ароматна, словно дыня.
И я тогда, отрезав ломтик пиццы,
спрошу её, на вид совсем не дуру:
ну как такое с ней могло случиться,
что позабыла бедную Лауру?

Джузеппе

С профессором Джузеппе сидим мы в ресторане,
пьемонтского пред нами бутылочка с вином,
а ресторан тот помнит ещё о д'Артаньяне,
что сиживал здесь в шляпе с раскрашенным пером.

Нам на закуску трюфель натёр на мелкой тёрке
официант, который по-русски не бум-бум,
и лёгкий запах псины придал еде прогорклой
оттенок благородный, похожий на судьбу.

За окнами промозгло. Декабрь и в Турине
способен быть суровым, не только лишь в Москве.
С утра натряс он снега, продрав свои перины,
и белизны добавил к разбросанной листве.

У памятника в синей морозной лёгкой дымке,
у самых наших окон, волнуется народ,
шумят о чём-то местном туринцы и туринки,
плакатиками машут и ходят взад-вперёд.

А мы сидим с Джузеппой и пьём своё Бароло,
и друг мой итальянский завидует мне в том,
что одарил Россию Господь большим набором
писателей хороших неведомо за что.

И говорю я Беппе, что просто мы в России
к своим заветным целям идём иным путём,
и чтоб вдохнул писатель ядрёный запах псины
на тёрочке изящной мы трюфели не трём.

Росчерк

В иных общественных местах
(в которых — мы поставим прочерк)
на многочисленных дверях
я оставлял глубокий росчерк.
И фразы той не закруглив,
писал я, не страшась последствий,
что жизненный императив
испортил нам не только детство.
Ведь для других шумел камыш,
мы только лишь деревья гнули,
пока все гнёзда разоришь, —
тебе уже отлили пули.

Переводчица

И потянется набережная неспешно,
сдержанно прислушиваясь к разговору,
столбенея чугуном, литым узором,
чиркая о каблучки камнем грешным,

сожалея лишь о том, что лежит под спудом
и не может трепом поддержать трепет
королевы переводов, парапетов,
пешеходов и дельтапланеристов.

Вжик

Вжик — и нету её!
Формалиновой банке я её нежитьё
доверяю, как мамке.
Светел, как никогда,
но немного под мухой:
пережог провода
и зарезал старуху.

Стог тумана

Растревоженный я встану,
мыслей гон развеял сон.
Выйду в белый стог тумана
на разброде городском.
Город спит на стылом ложе
промороженной земли,
и домов уснувших кожа
солью льдистою искрит.

Мамонт

Он проходит, мебель руша,
взглядом двигает предметы,
а ведь раньше был воздушен
и стройнее сигареты.

Мачо

В кукурузе кукукает мачо,
циферблат свой болтами скрепив
(кукловоду аперитив
навевать отвращение начал):
«Что ж селяне нам в чёрном трико
не несут ни капусту, ни брюкву?
Что ж нам женщины в розовых брюках
отдаваться так стали легко?
Шоколадной мулатке свой грош
не заплатит никто, нету сдачи,
а дешёвые ласки для мачо —
как вода, что влита в решето!»

Беломор

Я живу печальным беломором
на камнях, где не растут деревья.

И мундштук измят мой. Вот умора!
И пращу оттягивать не время.
Из меня, хоть не совсем бумажный,
нежными холёными руками
и духами спрыснутыми даже
женщина сложила оригами.

Пингвины

Я думал, их затёрли льдины.
Но нет! Живут ещё пингвины!
И могут далеко ползти,
зажав всё ценное в горсти.

Понятливый мальчишка

Я в школе был понятливым мальчишкой,
тебя узнал бы, даже пятясь задом,
но вот однажды перепутал слишком
я липкий стол с благоуханным садом.
И девочку я усадил на доски,
а мог бы, между прочим, нюхать розы
и не узнал бы, что мой юмор — плоский,
что нравятся тебе иные позы.

Юный вечер

Дышит юный вечер тишиной такой,
я укутал плечи в радость и покой.
Всё, что было трудно,
вспомню — усмехнусь.
Утонуло судно: в нём тоска и грусть.
Волны разметали
лодки-корабли,
в призрачные дали
дни тревог ушли.
Но осталась память,
сердцу не остыть.
Дней не переставить,
лет не возвратить.

Новый год

Накликают, пожалуй, Новый год,
когда тепло и хочется арбуза,
и даже салом не покрыто пузо,
и щеголяет ляжками народ.
А что зимой? Опять упьются в лежку
и обоссут прекрасную дорожку —
ту, по которой ты идёшь со мной.

Станция метро «Лесная»

Я помню, как в радужных ластах
ты плавала там, на Лесной,
а я и тогда был опасный,
и ныне — как дождь проливной.

Нотариус

Чухонским маслом жолтясь,
в окно дымит навоз,
долгов чумную опись
нотариус привёз.
Его макал я в кадку
вертлявой головой,
чтоб знал он, как мне гадко,
когда я не хмельной.

Гость

Гость уходит, стыдливо нам руки
мне пожав, а тебе просто — чмок!
Верно, чайную ложечку в брюки
сунул он, вороватое чмо.
Пополняет запасы семейки.
Скоро нам куковать без сапог.
Хрен же с ним! На дощатой скамейке

я управлюсь с тобою как бог.

Старинный лад

Пускай всё будет по-другому,
старинный лад теперь по мне,
и с девочкой полузнакомой
я очучусь чичас в кине.

Любовь-зараза

Любви-заразы когти цепки:
ей только дай потолще повод.
Сначала ей ерошил ветки
монтёр, который тянет провод.
Он освещеньем тьмы кромешной
её наивности потрафил,
но вот сменил порою вешней
его другой. Он клеил кафель.
Потом вошло уже в привычку,
чуть смена красок у природы, —
её другой берёт в кавычки
и светлые ей мутит воды.
Прошло два года. Объявился
электрик: «Здравствуй, дорогая!»
Но к ней надёжно прилепился

пилот, что в небесах моргает.

Дурочка

Тихо скажет: «О, как ты права!» —
и смиренно прощенья попросит.
Только что они значат, слова,
если ветер легко их уносит?

И прольётся поток телеграмм,
и блеснёт синим озеро писем.
И опять ты поверишь словам,
этим с дерева сброшенным листьям.

И сама побежишь на вокзал,
жестковатую шею обнимешь:
«Милый, всё будет, как ты сказал?» —
и любимого деспота примешь.

Всю себя на распашку раскрыв,
под свинцовую бросишься тяжесть
и в награду тебе за порыв
рассмеётся он, больно куражась.

И опять: «А не умер ли он?
Или почта работает плохо?»

А когда зазвонит телефон,
без оглядки помчишься, дуреха

Галатея

Я пролил кровь в стерильную пробирку.
Чтоб не свернулась, взял на глюгицире.
Плеснул слегка гемолизным раствором,
и лопнули твои эритроциты.

Солёным, будто слёзы, физраствором
промыл два раза ядерные клетки,
на быстрой центрифуге осадил.j

Ресуспендировал осадок в STE,
разведя прозрачным пенным эс-дэ-эсом,
и ввёл в раствор протеиназу К.

Пробирку бросил на ночь в термостат,
а сам домой отправился,
где ужин и где ждала согретая постель.

Наутро отфенолил эту чачу
и осадил холодным этанолом
интактные спирали ДНК.

Потом устроил лазерное чтиво,
и вот держу в руках твой полный сиквенс.
О, как прекрасно сложен твой геном!

Гудел всю ночь мой мощный инкубатор,
густым созвездьем лампочки блистали,
и точный таймер мерно стрекотал.

На выщербленном кафельном полу
наутро я лежал в изнеможенье.
И ножка стройная через меня перешагнула.
О, как победно хрустнули очки!

Пилот

Костюмчик тёплый и немаркий.
В кабине — маленький пилот.
Как на почтовой синей марке,
взмывает в небо самолёт.

Герой советский, безупречный,
гость «Новогодних огоньков»,
одним движением калечит
громады белых облаков.

И задрожат капиталисты —

Сабина, Джессика, Мишель, —
когда ракету с диким свистом
наш друг впечатает в мишень.

Когда герой в тенистом парке
прохладный потребляет квас,
то женщин опаляет жаркий
груди его иконостас.

Когда судьба к родным пенатам
загонит бравого солдата, —
супруга с каменным бедром
навстречу с мусорным ведром.

Провода

С неба льётся на землю вода.
Провода, провода, провода,
над Россией гудят провода.
И уходят они в никуда
и приходят они ниоткуда, —
эти жилы холодного льда
и холодного ветра сосуды.

Вниз по матушке по Волге

Жарко. А вот и пристань.
Нужно спускаться вниз.
С Волги пахнуло чистым
ветром. Вечерний бриз.

Палуба парохода,
лавочки вдоль бортов.
Сядем среди народа.
Вздрогнем? Всегда готов.

Свист. И тяжёлой тушей
так и пошла, пошла
прочь от горячей суши
наша шаланда вплавь.

Лица нам спрыснут брызги.
Будем увлажнены
главной рекой Отчизны,
лучшей в мире страны.

Небо едва осилит
взор наш навеселе.
Мы посреди России
едем на корабле.

Поднималась непого́-пого́да,

вдоль да вниз по матушке по Волге!
Погодушка немалая,
немалая волновая!

Свияжск

Осмотрен был с воды и суши
высокий остров и острог,
здесь рыбу на верёвках сушат
и быт неспешен и не строг.

Здесь многоглавыми церквами
встречают вас монастыри,
здесь небо щупают руками,
оно снаружи и внутри.

Здесь поселилось при дороге
грузинов шумное семейство,
и жарят куриц длинноногих,
смешав торговлю с лицедейством.

Шашлык у них в кафе отведай
или горячий хачапур,
а песню к твоему обеду
затянет горный трубадур.

Здесь свежий запах огуречный,
повсюду водные просторы,
и в пику жизни быстротечной
ведут пустые разговоры.

Едят здесь пряники и сушки,
баранки, бублики и сайки
и, чтобы успокоить души,
пьют жидкости-незамерзайки.

Свияжск как будто бы стреножен,
медлителен, тяжёл и смирен,
не выхватит клинок из ножен,
не грянет до самой Сибири,

но полон силы богатырской
и помнит об Иване Грозном,
бриллиант империи Российской
в венце её победоносном.

Забудь о береге турецком,
ты вспомни: он тебе не нужен,
Свияжск для доли молодецкой
заморских берегов не хуже.

Здесь пращур твой стоял с пищалью,

здесь крепко бились бердышами
и кровью алой орошали
песок речной под камышами.

Свияжск теперь как голубь кроткий,
расслабься, мирный обыватель,
тебе на весь твой век короткий
спокойных дней, пожалуй, хватит.

Сиди на лавочке с любимой
или качайся на качелях,
пока течёт Свияга мимо
и Волга катится без цели

К ней

За дверью препорядочная давка:
торговец спирттоварами из лавки,
два почтальона и один грузин
(он за углом содержит магазин),
сантехник (отчего-то очень бритый),
три доктора и пьяных два пиита,
сапожник (и, конечно же, портной),
скрипач из новомоднейшей пивной,
дехкане с кетменями и в халатах,
три жирных популярных депутата,

четыре бабы (очевидно, извращенки),
мотоциклист известнейший Доренко,
а с ними — (Боже, худенький, как уж!)
законной ласки требующий муж.

Мимозы

Зачем же так? В лицо мои мимозы.
Хватило б мне и половины дозы.
Опять сидеть всю ночь мне на ступенях,
чернильные размазывая тени.
А утром, перепачканный в известке,
отправлюсь прочь, угрюмый и громоздкий.
Вновь занавес. А во втором явленье
нарву тебе я целый куст сирени.

Чёрный Гудвин

Я — частый негр метро:
чёрный, курчавый, мускусный.
Элли, твоё бедро
щупиком жёстким чувствую.
Бросьте очки, Паганель!
Чёрной, как вакса, Африки
дева, прими шрапнель
в сердце под пёстрым шарфиком.

Сочная радуга губ,
чёрное вложено в красное.
Гусеницы берегут
месиво сладострастное.
Канем на дно реки,
россыпью изумрудин,
веселы и легки
Элли и чёрный Гудвин.

Стрекоза

Сургуч дымящий безразличья.
Цепная рабица оправ.
Там зазеркалье. Заграничье.
Мосты и почта. Телеграф.

Скрипит, вторгаясь, перспектива,
лучи холодные скрестив.
Сияет никелем красиво
трепан, обломленный в кости.

Под солнцем, чёрным, как в пустыне,
белеют мёртвые глаза
и равнодушно, ярко-сине
таращит зенки стрекоза.

Водомерка

Меркнет. Снова водомерками
пруд усыпан. Слово в слово
повторяюсь. Казановой
мне не быть, как ни коверкаюсь.
Посмотри, совсем не маленький! —
ничего, что местность мелкая.
Вновь тебе сломал бы целку я,
покатал тебя на ялике.

Веселие кота

Когда коту отрежут яйца,
дадут пельменей «Русский хит»,
он будет весело смеяться,
но уж ничем не удивит.

Умной и порядочной

Расценки на любовь твою низки,
и подойти я вовсе не стесняюсь.
С тобой мы просто очень далеки,
а сблизиться я вовсе не стараюсь.

Скитаюсь по медвежьим я углам,
скрываюсь, обрастая грубой шерстью.
Зато не изменяю я словам,
всегда стремлюсь держаться с ними вместе.

Мне нравится другая. Ведь она
согласна на шальную групповуху.
Ей слаще виноградного вина
бесстыжие чудачества для слуха.

В неё войдёт весь мой пчелиный рой
словесной переполненной мошонки,
а я слизать хочу за слоем слой
стихами переполненной девчонки.

Поэт

Конь на обед, а молодец на ужин.
А это кто? Он никому не нужен.
Бормочет что-то. И каков ответ?
Так. Недоразумение. Поэт.

Чемодан

Я купил себе чемодан
с чёрной ручкой, замками белыми.

Знать, не ведал я, что и делаю,
по своим молодым годам.

Чемоданчик довольно простенький:
здесь железочка, там колёсики.
Припыленная, мягче ластика,
кожа стелется поверх пластика.

И менял он свои города,
возносясь на могучем лайнере,
созерцая в багажной камере
посторонний баул у рта,

а потом — по перронам, босенький, —
мчался вслед за мной поздней осенью,
отражаясь холодными лужами,
протираясь случайными тушами.

Открывал я его иногда
и вытряхивал фотографии,
а со дна вынимал старый шарф её:
горстку пепла и кубики льда.

Автобус

Вместе ждали конца июля.

Капли падали. По Бернулли
по канавам текла вода.
Отдавали. Но нам вернули.
И не встретились. Никогда.
Лишь обшарпанный плыл автобус.

Не нашедши, чем застрелиться,
облепив парусами глобус,
плыли за море. Порознь. В Ниццу.
И бензин иссушал мой голос.

Туман

Для жизни мне не нужен повод,
я к ней надёжно прикреплён:
отчасти я здоров и молод,
отчасти в женщину влюблён.

Как частный случай жизни целой
твоя рука в моей руке:
обман туманный, белый-белый
плывёт по медленной реке.

Злодейка

Ты абрикосы ешь в шезлонге

и любишь солнечные ванны,
твои глаза чуть-чуть раскосы,
твои глаза слегка туманны,

и льётся молоком топлёным
о летнем дне повествованье,
и солнце, с вежливым поклоном,
льнёт к телу с нежным осязаньем.

Лежишь, красивая, в лонг шезе,
а бармен встряхивает шейкер:
ведь даже алкоголь полезен
для ослепительной злодейки.

Когда тебе наскучат фрукты,
на смену им придут коктейли,
потом и мне захочешь вдруг ты
дать место в этой канители.

Пракситель

Сразу мы отбросили герани,
в пол втоптали стебельки бегоний.
По-кошачьи ты — на подоконник,
я к тебе — прижался по-бараньи.
В этой позе изваять Пракситель

нас бы мог навеки. Жаль, что умер.
— Вы вернётесь? — Только попросите!
— Что ж, оставьте телефонный нумер.

Принцесса Делен

От Гринвича и до колен,
от полюса до сладострастья,
о чём всё думаешь, Делен,
когда рождаются ненастья?

Приду к тебе погожим днём,
а ты всё те же кости гложешь, —
напрасно думаешь о нём
и тень бесплотную тревожишь.

Взгляни: моя краснее кровь,
и тело не пошло коростой.
Красавица, не прекословь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.